

УДК 1(091)

Ж. ДЕРРИДА И Л. ВИТГЕНШТЕЙН О ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

В.В. Смирнов

Тверской государственной университет (г.Тверь)

Людвиг Витгенштейн и Жак Деррида – основоположники соответственно аналитического и постструктуралистического течений в философии. Построения обоих мыслителей разворачиваются вокруг проблемы функционирования языка. Предполагая, что постмодернистские сюжеты постструктурализма формировались под влиянием аналитической традиции, будет небезынтересно исследовать, в чем взгляды островной и континентальной философий, противостоящих друг другу на протяжении веков, схожи и определены рамками общей европейской культуры мышления.

Ключевые слова: *деконструкция, интертекстуальность, этно-фонологический центризм, метафизика, двоякий жест, бинарные оппозиции, Zerzettelung, линейность и многомерность книги, частный язык, коммуникация.*

Сегодня в интеллектуальных кругах принято говорить о существенном событии в историческом прошлом философии, охватывающим первую половину XX в., событии, титулованном исследователями «лингвистическим поворотом» (о происхождении данного термина см. [5]). Средоточие внимания на роли языка в рамках европейской философии дало толчок развитию утонченных и оригинальных систем, появление которых было намечено еще Фридрихом Ницше. В первом рассмотрении, п.17 «К генеалогии морали» он ставит принципиальный вопрос: «Какие указания дает языкознание, в особенности этимологическое исследование по части истории развития моральных понятий?» [6, с. 437]. В настоящей статье мы попытаемся приоткрыть этот знак вопрошания, выбрав объектом исследования философии языка взгляды наиболее ярких представителей аналитической и постструктуралистической мысли – Людвига Витгенштейна и Жака Деррида. Как отмечает Ральф Шейн, вызов, брошенный обоими мыслителями традиционным философским подходам, дал повод обширному сопоставлению их учений [12]. Результатом явилось достаточное количество публикаций, одна часть которых противопоставляет Витгенштейна и Деррида (Р. Сондереггер, Н. Гарвер), другая же ищет параллели в движении их мысли (Г. Стейтен). Публикация, оформленная нами, будет нести посылку родства философских систем европейской культурной традиции – снова вслед за Ницше: «Именно там, где наличествует родство языков, благодаря общей философии грамматики (т. е. благодаря бессознательной

власти и руководительству одинаковых грамматических функций), все неизбежно и заранее подготовлено для однородного развития и последовательности философских систем» [6, п.12].

Мы попытаемся понять, каким образом аналитическая философия языка читается в философии постструктурализма, предполагая, что первая оказала влияние на формирование последней [2, с. 65]. Как отмечает Г. Глок, сам Деррида однажды заявил: «Я – философ-аналитик... мой “стиль” имеет нечто общее с той движущей силой, которая также обнаруживается в аналитической философии» [9, р. 207]. Стиль и движущая сила, о которых говорит Деррида, – неотъемлемая часть концепции деконструкции, выдвинутой им в качестве критики философского «лого-фоно-этноцентризма». Концепция деконструкции впервые сформулирована как видоизмененное понятие «деструкции» Хайдеггера. На наш взгляд, тот подход, который присущ деконструкции, практиковался и другими философами. Деррида отмечает, что до него были, по меньшей мере, три деконструктивиста – уже упомянутый нами Ницше, Хайдеггер, а также Фрейд, но сама деконструктивная деятельность стара, как философия. Г. Стэйтен обращает внимание на тот факт, что «Витгенштейн выделяется среди предшественников Деррида именно своей неумолимой деконструктивной точкой зрения в период написания Голубой книги» [13, р. 1]. Поздние работы Витгенштейна отражают критическое отношение к логическим операциям языка и отдают предпочтение риторической форме рассуждений. Объявленное в «Логико-философском трактате» «молчание» в позднем творчестве автора преобразуется в «стили» посредством текстуального рассеивания. Данные перемены в образе мышления Витгенштейна особенно заметны в позднем творчестве автора по метафорически-афористическому способу письма, также присущему Деррида. Таким образом, уже сама манера письма сближает австрийского и французского философов. Рассмотрим иные аспекты общности идей двух мыслителей в классификации, предложенной Й. Орбаном: философия как деконструкция, как письмо и чтение, как языковая и письменная игры [10], добавив в нее еще один пункт: философия как критика «частного» языка.

1. Философия как деконструкция

Остановимся более подробно на концепции деконструкции, упомянутой нами. Возможно нет четкого ответа на вопрос «Что есть деконструкция?», но существуют различные подходы к определению, некоторые из которых понимают деконструкцию как дисциплину, метаязык или метод. Деррида не дает определения своей концепции: «То, что я понимаю под деконструкцией, способно производить роли, процедуры, техники, но в конечном итоге это не метод и не научная критика, потому как метод – техника вопрошания или интерпретации, которая должна быть воспроизводимой и в других контекстах, лишенной идиоматич-

ности. Деконструкция – это не техника. Она связана с текстами, с конкретными ситуациями, обозначениями и всей историей философии, где имеет место концепция метода. Когда деконструкция исследует историю метафизики и концепцию метода, она не может быть просто методом» [10]. Деконструкция Деррида в терминах Ю. Кристевой является интертекстуальной деятельностью, направленной на вскрытие и элиминацию метафизических оснований. Философ подчеркивает, что наше мышление всегда встроено в метафизику. Традиционные концепции принадлежат системе, которая их породила, и «каждое новое заимствование способствует привнесению вместе с ним целой плеяды метафизик» [8, р. 281]. Это касается и тех мыслителей, которые стремятся опровергнуть всякую метафизику. В тот самый момент, когда критик осуждает систему, он вводит в рамки своего рассуждения те же исходные условия, которые составляют систему, отвергаемую им. Этот механизм одновременного отрицания и утверждения действует, согласно Деррида, неотвратно, и нет способа его избежать. Любая попытка выйти из-под влияния наследуемой системы метафизики приведет лишь к самообману. Но, по мнению Деррида, существуют различные способы нахождения под влиянием метафизики и колкой игры с ней. Деконструкция, пожалуй, и будет некой иглой, которая в акте своей атаки включает в себя «двойной жест». Первый жест опрокидывает бинарные оппозиции метафизики, скажем, путем возвышения письма над речью. (Но, как указывает сам Деррида, только простых опрокидываний не достаточно, так как они осуществляются внутри той системы, которую осуждают, и тем самым в конечном итоге укрепляют ее). Второй жест предполагает подрывание или дестабилизацию данных оппозиций – либо путем демонстрации нечистоты основного высказывания, например указав на присутствие «письма» в речи, либо путем дезорганизации смыслового поля, поместив в него «неразрешимости», которые не могут содержаться в рамках данных бинарных оппозиций.

Мыслительная и письменная деятельность Витгенштейна, нашедшая себя в «Философских исследованиях», показывает схожие черты с деконструкцией Деррида. Витгенштейн также отказывается называть свои исследования методом философии: «Вместо этого мы на примерах покажем действие того или иного метода, причем череду этих примеров можно прерывать. Решается не одна проблема, а проблемы (устраняются трудности). Пожалуй, нет какого-то одного метода философии, а есть методы наподобие различных терапий» [1, п. 133].

Двойной жест Деррида имеет схожие черты с двойным письмом в философии Витгенштейна, названным Й. Орбаном «Zerzettelung» (с нем. – «расщепление, разделение на пласты»): «“Zerzettelung” – часть деконструкции, провозглашение двойного письма, поскольку автор анализирует свои ранние сочинения и отрицает их, возводя под сомнение. Кажется, что в Трактате афористическая энергия письма проходит

сквозь щит высказывания. В философских исследованиях эта энергия парализуется и форма «есть», присущая Трактату, становится формой союза» [10].

В целом деконструктивная деятельность Витгенштейна будет сформулирована его же собственными словами в «Философских исследованиях»: «Когда философы употребляют слово “знание”, “бытие”, “объект”, “я”, “предложение”, “имя” и пытаются схватить сущность вещи, то всегда следует спрашивать: так ли фактически употребляется это слово в языке, откуда оно родом? Мы возвращаем слова от метафизического к их повседневному употреблению» [1, п. 116].

«В чем же значимость нашего исследования, ведь оно, по-видимому, лишь разрушает все интересное, то есть все великое и важное. (Как если бы оно разрушало все строения, оставляя лишь обломки, камни и мусор.) Но разрушаются лишь воздушные замки, и расчищается почва языка, на которой они стоят» [1, п. 118].

2. Философия как письмо и чтение

Витгенштейн в своей текстуальной деятельности ставит под вопрос идею книги и говорит, что его мышление противоположно тому, которое суммирует все в виде книги с линейным сюжетом. Еще в Предисловии к «Философским исследованиям» Витгенштейн отказывается целостности рассуждений, линейной модели записи в виде книги с одноплановым сюжетом, отдавая предпочтение письму в виде некоторых зарисовок или «пейзажей». Каждый «пейзаж» – совершенно новая интерпретация, которая зависит от контекста высказывания. Ориентация на текстологический контекст, пожалуй, является главным опорным пунктом как аналитической, так и постструктуралистической мысли. Витгенштейн пишет: «Королевская коронация – зрелище, полное великолепия и величия. Выдели одну минуту этой церемонии из целостного контекста: королю, облаченному в коронационную мантию, возлагается на голову корона. Но в ином окружении золото оказывается самым дешевым из металлов, его блеск считается вульгарным. Мантия простым изделием из недорогой ткани. Корона пародией на высокую шляпу. И так далее» [1, п. 584].

Деррида также провозглашает закрытие книги, не ссылаясь на Витгенштейна, подразумевая под закрытием следующий замысел: «То, что взято закрытием в ограду, может продолжаться бесконечно. Если только не довольствоваться чтением одного заглавия, то там заявлено именно то, что нет никакого конца книги и нет никакого начала письма... Письмо, таким образом, не в большей мере может начаться, чем книга кончиться...» [3, с. 22].

Мысли, суммируемые книгой, служат средством единства, тотальности, которая по причине своего логоцентризма не может быть интегрирована в а-линейное деконструктивное мышление. Эта тоталь-

ность далека от того способа письма, который деконструирует идею книги, поскольку подобное письмо имеет дестабилизирующий эффект: «Конец линейного письма — это конец книги, даже если еще и сегодня именно в виде книги так или иначе собираются воедино новые формы письма — литературного или теоретического. Впрочем, речь идет не столько о том, чтобы собрать под обложкой книги неизданные письмена, сколько о том, чтобы наконец прочитать в этих томах то, что издавна писалось между строк. Вот почему начало нелинейного письма потребовало перечесть все прежде написанное – но уже в другой организации пространства. Проблема чтения – это сейчас передний край науки именно потому, что мы находимся сейчас в подвешенном состоянии между двумя эпохами письма. Коль скоро мы начинаем писать, и писать по-новому, мы должны учиться иначе читать» [2, с. 22]. Так называемый «другой способ письма» – нелинейное, многомерное письмо деконструкции (часто Деррида говорит о «двойном письме»): «...письмо, символы которого были многомерными: смысл тут не подчинен последовательности, порядку логического времени или же необратимой временности звука. Эта многомерность не парализует историю в ее сиюминутности, скорее она соответствует иному слою исторического опыта, так что можно, напротив, рассматривать линейное мышление как редукцию истории» [2, с. 220].

Как отмечает Й. Орбан, в «Философских исследованиях» и «Коричневой книге» Витгенштейн деконструирует чтение, выделяя: машинальное чтение, чтение начинающего и чтение как «ментальную активность» [10]. Сквозь призму этой классификации он обращает внимание на то, как происходит чтение. Витгенштейн считает, что в качестве объяснения сего можно говорить о существовании двух разных механизмов: «И их действие должно отличать чтение от нечтения. Но ведь эти механизмы всего лишь гипотезы, модели для объяснения, обобщения того, что ты наблюдаешь». Данные две модели могут быть интерпретированы как две модели чтения. Первая будет чтением по буквам и линии. Другая – способом параллельного чтения: «Ведь правильно же утверждение, что я прочертил эту линию под влиянием образца: но это заключается не просто в том, что я испытывал, чертя линию, а в обстоятельствах, в том, например, что я чертил ее параллельно другой. Хотя и это, в общем-то, несущественно для такого переживания, как “быть ведомым”» [1].

Мы не должны забывать, что для Витгенштейна чтение не является интерпретацией текста и пониманием смысла: «Прежде всего нужно заметить, что я в данном случае не отношу к “чтению” понимание смысла читаемого. Чтение здесь выступает как деятельность озвучивания написанного или напечатанного; а также письма под диктовку, переписывания напечатанного, игры по нотам и т. п.» [1, п. 156].

Также и для Деррида чтение является не поиском смысла, а особым способом интерпретации и написания текста, делающим возможной текстуальную распыленность. В этой дисперсии текст становится свободным от ловушек однозначной интерпретации и возвращается к себе самому.

3. Философия как языковая и письменная игры

Языковая игра – центральное положение мысли позднего Витгенштейна. Она должна пониматься как деятельность, а не теория, как «учение», которое руководило мыслителем на протяжении всего его творчества: «Термин “языковая игра”, призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [1, п. 23]. Так же как и в случае языковой игры, мы не можем дать определение «форме жизни». Нельзя сказать, что каждой языковой игре соответствует какая-то определенная форма жизни. Интерпретация отношений между языковой игрой и формой жизни усложняется тем фактом, что Витгенштейн считает невозможным определить основание языка. Языковые игры могут быть интерпретированы на примерах «Философских исследований» касательно функционирования обыденного языка. Эти примеры дают нам понять, что невозможно дать окончательного ответа на вопрос, что есть языковая игра.

В текстах Деррида игра также выполняет специфическую функцию. В таких концепциях, как *difference/difference*, *reserve* и *restance*, *dissemination* игра – часть деконструктивной деятельности, часть всеобщей головоломки. Мы можем наметить общие черты теории игр Деррида, но дать четкого определения игр мы не сможем. В своем эссе «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Деррида с помощью концепции игры анализирует концепции структуры и знака, которые, по его мнению, являются базовыми элементами традиционной метафизики. Метафизическая традиция для Деррида всегда является постоянно меняющейся центрированной структурой. Центрированная структура контролируется центром. Этот центр открывает, но в то же время ограничивает пространство игры, которая становится «обоснованной»: «Понятие центрированной структуры является на самом деле понятием обоснованной игры, установленной на основе неподвижности и успокоительной, от игры уже избавленной, достоверности. Эта достоверность позволяет обуздать тревогу, всегда рождающуюся из определенной манеры быть в игру вовлеченным, быть игрою захваченным, словно бы уже изначально быть в игре на кону» [4, с. 407–420]. Деррида ставит под вопрос центрированную структуру и достоверность, которые управляют концепцией метафизики. Он децентрирует центрированную концепцию структуры и говорит, что этот центр всего лишь «функция, в своем роде неуместность, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков. И, значит, это момент, когда язык распространяет-

ся на все универсальное проблемное поле; это момент, когда в отсутствие центра или истока все становится дискурсом – если условиться по поводу этого слова, – то есть системой, в которой центральное, исходное или трансцендентальное означаемое абсолютно вне системы различий никогда не присутствует. Отсутствие трансцендентального означаемого расширяет поле и игру означивания до бесконечности» [4, с. 407–420]. Эта игра отличается от обоснованной игры. Она утверждает, что «не-центр есть нечто иное, нежели утрата центра. Играет же это утверждение наверняка. Ведь это – беспроигрышная игра, игра, сводящаяся к субституции уже данных, существующих, наличных элементов» [4, с. 407–420]. Пространство, открываемое этой свободной игрой, – «поле письма». Оно не подчинено универсальным правилам, оно децентрировано. Отсутствие правильности языковых игр, словоупотребления характерно и для Витгенштейна, ибо в противном случае такие языковые игры были бы невозможны. Но в связи с этим перед нами встает следующий вопрос: существуют ли языковые игры вне пространства социальной коммуникации, как форма выражения индивидуально-го? Иными словами, возможна ли свободная игра моего языка, доступная пониманию постороннего, иного. Проанализируем отношение к «приватному языку» со стороны двух философов.

4. Философия как критика «частного языка».

На схожесть взглядов двух философов относительно вопроса «приватного языка» обратил внимание еще Н. Гарвер, который в предисловии к английскому переводу «Голоса и феномена» Жака Деррида сделал указания на фрагменты текста «Философских исследований», соответствующие представлениям последнего [7, р. 17]. Учитывая, что Гарвер видел Витгенштейна и Деррида в оппозиции друг к другу, указания на параллельность их мышления в поставленном нами вопросе – нетенденциозное доказательство единства взглядов обоих.

Витгенштейн в параграфах 243–315 «Философских исследований» говорит о невозможности создания и существования «приватного языка», способного выполнять коммуникативную функцию. Он утверждает, что употребление слова нуждается в объяснении, понятном всем. Вот некоторые пассажи из «Философских исследований» в подтверждение сказанного:

«Если о слове “красный” говорить вместо “оно означает” “оно отсылает” к чему-то личному, то это, разумеется, не способствует пониманию его функции» [1, п. 274].

«Представь себе человека, который говорит: “Я-то знаю, какой я рослый!” и в доказательство своих слов кладет руку на свою макушку» [1, п. 279].

«И откуда ты знаешь, что нужно продемонстрировать, прежде чем ты сделаешь это? Этj приватная демонстрация иллюзий» [1, п. 311].

Смысл употребляемого языка становится отчасти ясен только в процессе коммуникации с другими или Другим. Лишь в практике рождается замысел, схватывание некоторой сферы, «семейства» смыслов. Об этом говорит и Деррида в 4-м Разделе «Голоса и Феномена»:

«Если репрезентация указательной речи в монологе является ложной, то это потому, что она бесполезна... Если субъект ни на что самому себе не указывает, то это потому, что он этого не может, а он этого не может потому, что в этом нет нужды» [7, р. 58].

Все это ведет к постановке вопроса о роли субъекта в языке, что является отдельной темой рассмотрения. Отметим лишь, что Деррида и Витгенштейн не отвергают концепт субъекта, как полагают некоторые исследователи. Деррида желает показать то, что «субъект зависит от системы различений и от движения разнесения; что он не присутствует и, главное, не присутствует для самого себя до разнесения ... что язык не является функцией говорящего субъекта» [3, с. 36–37]. Витгенштейн, в свою очередь, хочет показать, что субъект может использовать обыденный язык по-разному в зависимости от ситуации и коммуникативной среды. Подчинения правилам контекстного использования языка не даны заранее, но конституируются в процессе общения. Им мы «следуем слепо». Как писал Хайдеггер, «не мы говорим языком, язык говорит нами» [11].

На основании вышесказанного мы уже можем очертить тот пласт общих идей, характерный как для аналитической, так и для постструктуралистской мысли. Проведение границ должно пониматься нами как условный шаг на пути установления переговоров между двумя несхожими, но существующими в пределах европейской культуры традициями. Намечив контуры исследования, мы вместе с цитированными авторами надеемся проложить путь для последующего, более глубокого и расширенного осознания взаимосвязи этих культурных феноменов.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // <http://www.philosophy.ru/library/witt/phil.html>
2. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
3. Деррида Ж. Позиции. М., 2007.
4. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 407–420.
5. Кукарцева М.А. Начало лингвистического поворота в историописании // Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2004. С. 44-55.
6. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
7. Derrida J. *Speech and Phenomena*. Evanstone, 1973.

8. Derrida J. Writing and difference. London, 1978.
9. Glock H-J. What is Analytic Philosophy? Cambridge, 2008.
10. Orbán J. Language Games, Writing Games – Wittgenstein and Derrida // <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Lang/LangOrba.htm>
11. Quigley T. Structuralism and poststructuralism // <http://homepage.newschool.edu/~quigleyt/vcs/structuralism.pdf>
12. Shane E.R. Derrida and Wittgenstein: Points of opposition // Pittsburgh: Journal of French philosophy. 2007. №17
13. Staten H. Wittgenstein and Derrida. Oxford, 1985.

J. DERRIDA AND L. WITTGENSTEIN ON THE PROBLEM OF LANGUAGE FUNCTIONING

V.V. Smirnov

Tver State University (Tver)

While Ludwig Wittgenstein is a founder of the language analysis philosophy, Jacques Derrida is well-known as a creator of the post-structuralism. Despite their theoretical differences, both philosophers are interested in the problem of language functioning. Taking into account that post-structuralism was influenced by the analytic tradition, the paper is focused on the comparative analysis of Wittgenstein's and Derrida's approaches to this issue within the common pattern European post-classical philosophical thought.

Key words: *deconstruction, intertextuality, ethno-phono-logocentrism, metaphysics, double gesture, binary oppositions, Zerzettelung, book linearity and non-linearity, private language, communication.*

Об авторе:

СМИРНОВ Всеволод Валерьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета. E-mail: franknilson@mail.ru